

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

**Читайте лучшие исторические
детективы Юлии АЛЕЙНИКОВОЙ
в серии «Артефакт & Детектив»:**

Проклятие Ивана Грозного
и его сына Ивана

Крест Иоанна Кронштадтского

Тайное сокровище Айвазовского

Нефритовая орхидея
императрицы Цыси

Кровавый след бога майя

Тайна русского путешественника

Медальон Великой княжны

Клад последних Романовых

Перстень Григория Распутина

АРТЕФАКТ
&
ДЕТЕКТИВ

Юлия АЛЕЙНИКОВА

Перстень
Григория
Распутина

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А45

Оформление серии *С. Курбатова*

Оформление обложки *Н. Кудри*

Алейникова, Юлия.

А45 Перстень Григория Распутина / Юлия Алейникова. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-04-098769-6

Волшебник, гипнотизер, святой, экстрасенс — как только не называли Григория Распутина. Обычный крестьянин из маленькой деревеньки стал одним из самых влиятельных людей в Российской империи начала XX века. Кем был старец — злым гением или ангелом-хранителем? Для Дуни Кириловой он стал другом и спасителем, а уходя в мир иной, Распутин оставил своей подопечной подарок, который защитил ее от ужасов революции и Гражданской войны. Перстень отца Григория охранял Дунину семью, пока не был похищен и из благоговения не превратился в проклятие...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098769-6

© Алейникова Ю., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Расея-то хорошая, тока люди в ней стали уж больно плохи. Благодать исчезла. Веры нет. Тако время наступает, сила православная уходит. Дальше хуже будет, не дай бог дожить до этого. Скоро пойдет человек не хороший, тока слыть будет православным.

Григорий Распутин.

Пролог

17 ноября 1916 года. Санкт-Петербург

атюшка, там Дуняша пришла, говорит, бабушке опять плохо, — заглянула в комнату к старцу Григорию дочь Матрена.

— А чего ж не проходит? Веди, — отрываясь от чая, велел Григорий Ефимович. Плечистый, в темной простой рубахе, с воспаленными от бессонной ночи глазами.

— Посетителей много, не пускают ее, я и то еле протиснулась, когда домой сейчас шла, — пожаловалась Матрена, выходя из комнаты. — Надо бы перестать всех пускать без разбору. А то ведь стоят, вроде с виду человек порядочный, а потом возьмет и пакость какую-нибудь про вас в газете напишет, и еще и наврет с три короба.

— Оставь их. Дуню веди, — не послушал, как всегда, отец, и, вздохнув, Матрена выскользнула из комнаты.

— Тятенька! — Дуня, невысокая, тоненькая, гибкая, как ивовый прутик, с огромными васильковыми

глазами, упала перед Григорием Ефимовичем на колени, целуя его руку и прижимаясь к ней щекой так крепко, словно надеясь раствориться, спрятавшись в старце от бед мирских.

— Ну, что ты, что ты? — гладил ее по голове тяжелой мягкой рукой старец. — Что всполошилась так?

— Бабушке плохо, боюсь, помрет. Я с ней Митюшу оставила, а сама к вам.

С Дуней Григорий Ефимович познакомился, как только на квартиру въехал. Она с бабушкой и братишкой в том же доме проживала, только во втором дворе, в маленькой квартирке в две комнаты. Родители ее померли один за другим, и года еще не прошло, вот они и бедствовали со старой бабкой. Отец Дунин портным был, много денег при жизни не скопил, а тут еще бабушка расхворалась. Дуне пришлось ученье бросить, искать, где бы на кусок хлеба заработать. По людям сиротка перебивалась, где полы помоем, где белье постирает. Вот Григорий Ефимович ее и разглядел, приласкал, бабушку полечил, а Дуняша от такой ласки и доброты как к отцу родному к нему потянулась. Григорий Ефимович через хороших людей и на работу ее определил в модный Дом Гиндус, один из лучших в Петербурге, да и сам не забывал — когда деньгами поможет, когда одежду младшему справит, обувку обоим. И Матрена с Дуняшей подружились, стали друг к другу в гости заглядывать. Да вот беда, как бы Григорий Ефимович ни старался, бабушка все одно моложе не становилась, возраст свое брал, а Дуняша что, ей едва семнадцать исполнилось, совсем девчонка, тяжело да страшно одной с братишкой остаться.

— Не плакай, ну? Слышь, что ли? Сейчас пойдем. А только недолго уж ей осталось, Господь скоро призовет, — ласково-печально проговорил старец.

Дуня снова уткнулась Григорию Ефимовичу в руку, заливая ее слезами.

— Ну, не реви. Не реви. Чай, ни одна, не пропадешь, — утешал ее грубовато Григорий Ефимович. — Мы рядом, а скоро и человек хороший найдется, посватается, к весне жди. Он вам с Митюшкой и защитой, и опорой будет, и кормильцем. Хорошо жить будете, дружно. Верь мне, — глядя Дуню по голове, рассказывал старец. — А вот еще что, — снял он с пальца большой, массивный перстень с камнем. — Возьми-ка благословение мое. Как венчаешься, мужу подари. Он вас всех хранить будет, все напасти с моим благословением переживете. А скоро их будет столько, земля от ужаса загудит, — с тяжелым вздохом проговорил Григорий Ефимович. — Бери вот. На пальце не носи, незачем, на шею, на шнурке повесь, чтоб не завидовали. А теперь пойдем к бабушке.

В приемной, на лестнице, в подъезде толпился люд, и богатый, и бедный, и чиновники, и военные, и крестьяне, и бабы с детьми, и дамы в шляпах с перьями.

— Батюшка, благослови погорельцы, помоги чем можешь! Мужа моего под суд отдали! Сыночек, больной совсем, спаси, батюшка! Не оставь своим благословением! Помоги, батюшка, совсем одолели лихоимцы. Последнее отнимают. Григорий Ефимович, помогите в деле, очень уж дело хорошее, а и мы чем сможем... — И тянут к нему руки просящие, кто с запиской, кто с денежкой, кто с молитвой.

— Хорошо, хорошо, помогу чем смогу, — бормотал старец, рассовывая по карманам записки, беря деньги и тут же раздавая. — Вот вам, раздайте погорельцам. На вот тебе на лошадь, заплати кредиторам. Что у тебя? Сколько здесь? Помогу. На-кось, возьми. Благослови Господь. Помолюсь.

Так вот насилу выбрались.

В квартирке у Дуни хоть и не богато, а чисто, уютно, герань на подоконнике, матушка еще покойница разводила. Салфеточки вышитые, иконы в углу, лампадка горит. Тепло. Бабушка, маленькая, сухонькая, едва видная под одеялом, просияла навстречу старцу.

— Пришел, батюшка. Смиловился.

— Ну, будя. Будя. — Садясь рядом, утер ей старческие слезы. — Чего ж ты, Ильинична, опять внуков пугаешь?

— Стара, батюшка, совсем обессилела, встать мочи нет, — снова беззвучно заплакала старушка.

— Сейчас мы тебя поднимем. Сейчас, — бормотал Григорий Ефимович, глядя своими невероятными глазами в сморщенное маленькое личико. — Вот молитву Боженьке прочтем и встанем. Дуняша, пирогами пахнет, любимыми моими, пекла, что ль?

— Пекла, как знала, что вы придете, — обрадовалась Дуняша. — Откушаете?

— И чаю попью. Тихо тут у вас. Хорошо. Иди, Митюша, помоги сестре на стол накрыть.

Поднял на ноги бабушку старец, так что и чай вышла пить. А потом, как зима началась, помер Григорий Ефимович, не дожил до Рождества. Убили окаянные люди. Уж как Дуняша рыдала, думала, умрет, сердце не выдержит, разорвется. А все ж пережила. А к весне ближе бабушка преставилась. Поплакали они с Митюшей, а потом, весной этой, в середине марта, оттепель была, а потом к ночи подморозило. Дуняша домой с работы спешила, да поскользнулась, ногу потянула, встать не может. Хорошо, добрые люди помогли, подняли, а тут как раз пролетка проезжала, человек из нее вышел, молодой еще, с усами, одет по последней моде. Доктор оказался. Посадил в пролетку, до дому довез, осмотрел Дуняшину ногу, заглянул в глаза ее васильковые и пропал. А в мае повенчались они, все вышло, как Григорий Ефимович сказывал.

Дуняша подарила мужу перстень старца, доктор хоть и не верил в силу его благословения, но подарок жены принял и с пальца никогда не снимал.

Сам доктор Алексей Иванович Платонов оказался человеком добрым, заботливым, в Дуняше души не чаял, Митюшу принял, как родного. Практика у него была хорошая. Зажили они тихо и счастливо, в уюте и достатке до самого тысяча девятьсот восемнадцатого года.

Глава 1

7 июля 2018 г. Санкт-Петербург

ы гляди, кому ж это понадобилось так тихого пенсионера разукрасить? — присвистнул Саня Петухов.

— Ты давай потише, — цыкнул на него Никита Макаров, всеми фибрами души недолюбливавший Петухова за дежурное хамство, цинизм и откровенное презрение к людям.

— Да ладно. Она не слышит. Он как голосит, — отмахнулся лениво Петухов. — Чего скажете, господа криминалисты, чем это его так ловко разделали?

Никита скрипнул зубами. В кресле возле рабочего стола сидел пожилой мужчина, точнее сказать, старик, с разрезанным от уха до уха горлом, и смотрел в потолок мертвыми пустыми глазами. На удивление, его лицо было совершенно спокойно. Грудь убитого была залита кровью, руки свисали с подлокотников кресла.

В соседней комнате плакала жена убитого, такая же старенькая, но все еще подтянутая, очень ухоженная женщина, с милым добрым лицом.

Никита в ожидании, пока эксперты закончат работу, прошел по квартире, осмотрелся. Квартира была славная. Небольшая, четырехкомнатная, гребенкой, такие сейчас спросом не пользуются. К тому же старый фонд, да еще и без капремонта. Но Никите она понравилась. Ощущался в ней какой-то особый уют, тепло, история живших в ней прежде поколений. Вот, например, кабинет, в котором нашли убитого хозяина, словно сошел с фотографии начала века. И паркетные половицы в коридоре, покрытые необычным, свекольного цвета лаком, а может, это мастика такая? Наверняка не менялись со времени постройки дома. Они тихонько скрипели под ногами, и золотистый солнечный луч, проникая сквозь небольшое слуховое окошко в коридор, делал их необычный цвет глубже, ярче. Никите захотелось разуться и пройти босиком по паркету, почувствовать его тепло, шероховатые неровности. Из кабинета донесся очередной неуместный смешок Петухова; Никита смущенно оглянулся и поспешил на кухню.

Кухня была просторной и вполне современной: ровные полы, стены, встроенная мебель, современная бытовая техника. Наверное, дети помогли пенсионерам с ремонтом. В кухне была дверь, ведущая на черный ход. Вполне себе современная дверь, железная, с двумя замками и засовом. Кстати, задвинутым изнутри!

Никита заглянул в санузел, тоже чистенький и современный, убедился, что некогда существовавшее в ванной комнате окно наглухо заложено кирпичом, прошел в хозяйскую спальню, потом в комнату, которая, очевидно, принадлежала когда-то детям супругов Ситниковых, и вернулся в кабинет. Заглядывать в гостиную, где плакала вдова, он не стал, там работал капитан Филатов.

— Слушайте, что вы здесь оба крутитесь? Вам что, заняться нечем? — оторвался от работы криминалист

Слава Лукин. — Топайте свидетелей искать, или ждете индивидуального указания от Филатова? Так он вам выдаст, а потом еще добавит.

Лукин был прав, и Никита с Петуховым вышли на лестницу.

— Ну, че, как поделим?

— Я во двор, — хмуро решил Никита.

— Ну, валяй, а я тогда по квартирам. Эх, грехи наши тяжкие, — крикнул Петухов. — Смотри не прогадай. Здесь на этаже всего по две квартиры.

Зато половина наверняка коммуналки, подумал про себя Никита и поспешил вниз по лестнице.

Адрес квартиры был по Четвертой Красноармейской, но вот парадный подъезд вывел Никиту Макарова на Пятую Красноармейскую. Загадки старого Петербурга, где в подъездах на одном этаже частенько соседствуют квартира номер пять и квартира восемьдесят три, и обе они расположены по разным улицам.

Никита прошел несколько шагов до арки и вошел в виденный им из окон двор. Маленькая детская площадка. Пара лавочек и, разумеется, припаркованные машины. Вечером в этом дворе, наверное, не протолкнуться от плотно набитого личного автотранспорта. Ни одной живой души во дворе не было.

Никита задрал голову и внимательно, с пристрастием оглядел выходящие во двор окна. Стеклопакеты бликовали, противомоскитные сетки скрывали в тени глубины квартир, а немногочисленные старые рамы, сохранившиеся в доме, были закрыты, а окна задернуты тюлем. Да если бы и увидел он пару любопытствующих физиономий, что с того? Убийца-то зашел не с черного хода, не со двора. Делать здесь Никите было нечего. Пришлось возвращаться в подъезд и на пару с Петуховым опрашивать соседей.

Саня Петухов бодро и энергично взялся за дело. Он требовательно и бесцеремонно нажал кнопки электри-

ческих звонков сразу в двух квартирах и наслаждался веселым треньканьем, пока из-за одной из дверей не раздался сердитый крик:

— Это кто там хулюганит? Вот сейчас как вызову полицию, потрезвоните, голубчики!

— А это и есть полиция! — радостно отозвался Санька, довольный произведенным эффектом. Мама неоднократно пеняла Саньке на то, что он и в полицию-то пошел только для того, чтобы безнаказанно безобразничать. Таким уж с детства уродился непутевым.

Но Санька пошел в оперативники не поэтому, а потому, что нравилось ему быть важным, нужным, значимым. С его средненькими способностями и вредным характером, где бы он еще мог преуспеть? Нигде.

— Открывайте, бабуля, уголовный розыск! — повелительно крикнул в дверную щель Саня и развернул перед глазком служебное удостоверение.

— Еще чего! — раздался из-за двери непреклонный ответ. — Буду я каждому шутнику с коркой двери открывать! Нашел дурочку! Беги давай лучше, пока зятя не разбудила, он у меня бульдозерист, рыха шире дверного проема. Он тебе быстро расскажет, кто тут кто! — пригрозила бабуля, и Саньке тут же захотелось взглянуть на зятя, у которого такая солидная рыха, что даже в двери не лезет.

— Бабуля, как же он с такими габаритами в бульдозер залазит? — со смехом поинтересовался Санька.

— Да уж залазит, — проворчала бабка. — Бочком.

— Ладно, а теперь серьезно, — меняя тон, проговорил лейтенант Петухов. — У вас в подъезде совершено убийство, мы ищем свидетелей. Открывайте, надо побеседовать.

— Убийство? — заволновалась бабуся, гремя замками, но дверь приоткрылась только на малюсенькую щелочку, в которой была заметна цепочка. — А кого ж убили-то?

— Соседа вашего из двенадцатой квартиры.

— Из двенадцатой? Алексея Родионовича, что ли? — Старушка побледнела. — Как же так, такого хорошего человека? А Таня что же? Ох ты, господи, надо же к ней пойти, она же там, наверное, одна совсем! — Старушка захлопнула дверь, потом распахнула и приготовилась бежать к соседке.

— Нет, нет, — остановил ее лейтенант. — К ней сейчас нельзя. Часика через полтора. Она сейчас со следователем беседует. А вот мне лучше скажите, вы сегодня в районе часа никого в подъезде не встречали?

— Около часу? — задумалась старушка. — Нет, не видала. Я около часу обед готовила, внука из школы ждала. Я с утра в магазин сходила, а уж с одиннадцати дома была. Даже к окну не подходила, котлеты у меня сегодня и борщ, некогда было.

— Хорошо, а в одиннадцать в подъезде и возле подъезда никого не наблюдали? Может, кто-то без дела возле вашего подъезда прогуливался или в парадной газеты по ящикам распахивал?

— Гм. Да вроде нет. Ничего такого, — хмурясь от натуги, соображала старушка. — Вот только когда домой шла, Шуру из седьмой квартиры встретила. Она в поликлинику шла. Вот и все, пожалуй.

— Шура из седьмой? — повторил лейтенант. — Ясно. Вот вам моя визитка, если что вспомните или услышите, сразу звоните.

— Ладно. А к Тане, значит, через полтора часа?

— Да.

— Постой, сынок. А где его хоть убили, на улице или в подъезде?

— В квартире, — ответил лейтенант, решив, что пронирливая старуха все равно все узнает, смысла темнить нет.

— Ох ты, батюшки! А родным-то сообщили?

— Кому это?

— Ну как, сыну с дочерью.

— Этим занимаются другие сотрудники, — неопределенно ответил Санька. — Там крови много, вы потом помогите жене прибраться, — добавил он, проявив удивительное человеколюбие.

— Конечно, конечно. Поможем! Такое горе, — начала головой старушка, запирая двери.

Шура из седьмой квартиры долго не открывала, Санька уж уходить собирался, а потом выползла к нему очень толстая, сонная, какая-то дебелая баба, которая совсем ничего не видала, и не слыхала, и вообще у нее давление, в глазах темно, в ушах звенит. К убийству интереса ровно никакого не проявила, только и сказала, что «а-а». Вот и весь результат. Еще Сане повезло застать дома молодую мать с орущим на руках грудным ребенком, которая тоже, разумеется, ничего не видела и не слышала. А больше дома никого застать не удалось.

— Ну, что у тебя? — встретив возле квартиры убитого Ситникова Никиту Макарова, спросил Саня.

— Негусто. Застал дома троих, и те ничего не видели, — поделился Никита.

— Ладно, пошли, получим от начальства ЦУ и нахлобучку.

— За что это?

— Не за что, а зачем, — поправил его Саня. — Для порядка.

— Ну, что, коллеги-сыщики, подведем неутешительные итоги? — с оптимизмом заживо погребенного проговорил законченный скептик и пессимист капитан Филатов. — Свидетелей нет, улики тоже, дело пахнет глухарем, начальство глухари не любит. Быть нам без премии. Какие есть идеи?

Никита к капитану и его заупокойным речам давно уже привык и к сердцу, как в первые месяцы своей работы в СК, не принимал. Потому что, несмотря на